

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-3-642-653>

Шифр научной специальности 5.9.1

Классики, современники, соратники: образы «других» в журнале Давида Бурлюка “Color and Rhyme”

Ирина Олеговна Машенкова¹ , Владимир Павлович Середа²

¹Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова
140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15

²Литературно-художественный музей Сергея Денисова
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Базарная, 69

 vladimirmuseum@rambler.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Журнал “Color and Rhyme”, издававшийся Давидом Бурлюком в эмиграции, традиционно трактуется как инструмент его самопрезентации. Однако в нём публиковались материалы и о других писателях и художниках – от классиков до американских авторов, представителей Русской Америки и соратников-футуристов. Эти тексты, лишь упоминавшиеся ранее, впервые становятся предметом специального анализа. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Выпуски журнала с 1931 по 1966 г. анализируются с применением историко-литературного и литературно-биографического методов. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** В ходе анализа выявлено, что в журнале освещаются как фигуры классиков литературы и живописи, так и современников в Америке: местных поэтов и художников, а также выходцев из России. Публикации выполняли просветительскую функцию, способствовали поддержке начинающих авторов и художников, а также сохраняли память о соратниках-футуристах, прежде всего В. Хлебникове, В. Каменском и В. Маяковском. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** В публикациях о деятелях литературы и искусства проявляется особая установка Давида Бурлюка на просветительскую деятельность. Его журнальный проект выполнял роль своеобразного культурного моста между разными пространствами – Россией и Америкой, эмигрантской средой и художественной метрополией, классическим наследием и новаторскими поисками. Таким образом, журнал “Color and Rhyme” становится площадкой культурного посредничества, выполняющей важные функции информирования, воспитания и формирования художественного вкуса.

Ключевые слова: Давид Бурлюк, журнал “Color and Rhyme”, русский футуризм, культурное посредничество, эмигрантская литература

Вклад авторов: И.О. Машенкова – поиск фактического материала, поиск и анализ научной литературы, сбор и систематизация документального материала, редактирование рукописи. В.П. Середа – разработка общей концепции статьи, разработка методологии исследования, изучение эмпирического материала, анализ полученных результатов, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Машенкова И.О., Середа В.П. Классики, современники, соратники: образы «других» в журнале Давида Бурлюка “Color and Rhyme” // Неофилология. 2025. Т. 11. № 3. С. 642-653. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-3-642-653>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-3-642-653>

OECD 6.02; ASJC 1208

Classics, contemporaries, companions: images of the “others” in David Burliuk’s magazine “Color and Rhyme”

Irina O. Mashenkova¹ , Vladimir P. Sereda²

¹Samarkand State University named after Sh. Rashidov
15 University Blvd, Samarkand, 140100, Republic of Uzbekistan

²Sergei Denisov Literary and Art Museum
69 Bazarnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
 vladimirmuseum@rambler.ru

Abstract

INTRODUCTION. The magazine “Color and Rhyme”, published by David Burliuk in emigration, has traditionally been interpreted as a tool of his self-presentation. However, it also contained materials devoted to other writers and artists – ranging from the classics to American authors, representatives of Russian America, and fellow Futurists. These texts, previously only mentioned, are analyzed here for the first time. **MATERIALS AND METHODS.** Issues of the magazine from 1931 to 1966 are examined using historical-literary and literary-biographical method. **RESULTS AND DISCUSSION.** The analysis reveals that the magazine featured not only figures of classical literature and painting but also contemporaries in America: local poets and artists, as well as émigrés from Russia. The publications fulfilled an educational function, supported emerging authors and artists, and preserved the memory of fellow Futurists, above all V. Khlebnikov, V. Kamensky, and V. Mayakovsky. **CONCLUSION.** The materials devoted to figures of literature and art reflect David Burliuk’s particular commitment to educational activity. His magazine project acted as a cultural bridge between different spaces – Russia and America, the émigré milieu and the artistic metropolis, classical heritage and avant-garde experimentation. Thus, “Color and Rhyme” served as a platform of cultural mediation, performing important functions of information, education, and the shaping of artistic taste.

Keywords: David Burliuk, “Color and Rhyme” magazine, Russian Futurism, cultural mediation, émigré literature.

Funding. This research received no external funding.

Authors’ Contribution: I.O. Mashenkova – actual data research, scientific literature research and analysis, documentary material collection and systematization, manuscript editing. V.P. Sereda – general research concept development, research methodology development, empirical material study, analysis of the received material, writing – original draft preparation, preparation of the article in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Mashenkova, I.O., & Sereda, V.P. Classics, contemporaries, companions: images of the “others” in David Burliuk’s magazine “Color and Rhyme”. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(3):642-653. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-3-642-653>

ВВЕДЕНИЕ

Журнал “Color and Rhyme”, основанный Давидом Бурлюком в 1931 г. и выходивший

на протяжении более трёх десятилетий, занимает особое место в его творческой биографии. В отличие от отдельных изобразительных и поэтических произведений, жур-

нал стал для Бурлюка устойчивой формой самоидентификации и диалога с культурным пространством, в том числе с другими авторами, традициями и эстетическими моделями.

История создания журнала и роль Бурлюка как художника и поэта на перекрёстке культур нашли отражение в исследованиях А.А. Арустамовой [1; 2], С.Е. Бирюкова [3], Е.Л. Деменка [4], Н. Евдаева [5], Н.Ю. Желтовой [6], В.М. Маркова [7]. Однако репрезентация «другого» в журнале до сих пор не становилась предметом специального и системного анализа. Между тем обращение к этому аспекту представляется особенно актуальным: во-первых, оно позволяет глубже понять просветительскую и интегративную миссию Бурлюка в эмигрантской и мировой культурной среде; во-вторых, выявляет механизмы культурного взаимодействия, которые определяли не только облик журнала, но и более широкий контекст русской художественной диаспоры.

Цель исследования состоит в том, чтобы проследить, каким образом в журнале конструируется фигура «другого» – будь то признанный классик, начинающий современник или давний собрат по перу и кисти – и соотносить это с образом Бурлюка как поэта, художника и культурного посредника.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источником материалов для исследования стали экземпляры журнала “Color and Rhyme” из коллекции тамбовского собирателя, краеведа Николая Алексеевича Никифорова, хранящиеся ныне в Литературно-художественном музее Сергея Денисова (г. Тамбов). Эта коллекция является одним из самых значительных собраний материалов о Бурлюке. Следует заметить, что в сводном электронном каталоге периодики русского зарубежья «Эмигрантика» (emigrantica.ru) крайние даты выхода журнала указаны как 1945–1964, в то время как в коллекции Никифорова имеется 25 выпусков журнала с 1932 по 1966 г., поскольку Бурлюк издавал его до конца жизни: А.А. Арустамова называет этот журнал «летописью жизни и творчества» [2, с. 359]. Переписка, завязавшаяся

между Никифоровым и Бурлюком в 1957 г., переросла в добрые доверительные отношения. Бурлюк причислил Никифорова к своим «духовным детям» и регулярно присылал ему свои работы: картины, рисунки, статьи, рукописи, а также номера журнала “Color and Rhyme”, как новые, только что вышедшие, так и более ранние [8, с. 503, 506]. В совокупности с сотнями писем от Бурлюка, полученными Никифоровым, это наследие представляет ценнейшую базу для исследования. Историко-литературный и литературно-биографический методы, наиболее часто используемые в исследовательской практике, также подтвердили свою эффективность и при анализе этих материалов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В наше время, благодаря вышеперечисленным исследователям, история выхода журнала “Color and Rhyme” уже достаточно хорошо описана. Подчеркнём лишь некоторые особенности, характерные для этого издания.

Во-первых, журнал отличался ярко выраженной коллажной типографикой. Наряду с материалами, набранными традиционным типографским способом, в нём широко использовались сфотографированные и фрагментированные газетные вырезки, подогнанные под формат страницы. Эти текстовые блоки перемежались с фотографиями, рисунками и репродукциями картин, причём элементы разного происхождения и назначения могли соседствовать на одной странице в различных ориентациях – вертикальной и горизонтальной. Такой приём придавал журналу своеобразную структуру, где границы между текстом и изображением намеренно стирались, и подчёркивал его компилятивный характер.

Во-вторых, журнал до 1957 г. издавался на английском языке, затем в нём появились отдельные материалы на русском языке (в основном сфотографированные заметки из советских газет или перепечатанные статьи из советских изданий), а в 1961–1966 гг. вышло несколько исключительно русскоязычных номеров, что могло объясняться наце-

ленностью на русскоязычную (советскую) читательскую аудиторию. Обычно русский и английский язык совмещались на страницах одного номера, а в последних выпусках появились материалы и на итальянском языке¹.

В-третьих, все исследователи отмечают ярко выраженную самопрезентационную функцию журнала. Основу его составляли материалы о самом авторе, причём самого разнообразного характера и формата: автобиографические заметки Бурлюка, дневниковые записи жены Марии Никифоровны (Маруси), его постоянного соавтора, путевые очерки, газетные вырезки, статьи о нём, репродукции его картин, его стихи на русском и английском языках, а также стихи, посвящённые ему.

Однако наряду с этим в журнале присутствуют тексты о других деятелях литературы и искусства. Прежде всего следует отметить публикации о признанных авторах, как современниках Бурлюка, так и давно ушедших. Эпатажный футуристический призыв «бросить Пушкина с парохода современности», который в своё время вызвал неоднозначную реакцию даже среди самих футуристов, спустя годы представляется Бурлюку ребячеством, за которое ему неловко. Он стремится пояснить, что речь шла не об отречении от русской классики, а о необходимости поиска новых художественных путей: «Русские футуристы отрицают не самое искусство прежних эпох, не Пушкина или Толстого, их произведения, великие, как документ, магические зеркала их дней, а понимание этих творчеств современниками, сделавших из них глыбу авторитета, чтобы задушить ею каждый молодой самодовлеющий сад исканий новизны, самоуверенный и юный» [9, с. 11]. Это объяснение, сделанное Бурлюком в трактате об энтелехизме, подкрепляется неоднократными отсылками к творчеству Пушкина [9, с. 7, 8, 10]. Если «Энтелехизм», опубликованный в 1930 г., можно рассматривать как творческий манифест писателя и художника, то журнал “Color and Rhyme”,

начавший выходить в 1931 г., предстаёт его практическим воплощением и средством популяризации. В этом ракурсе видимы и задачи журнала: ввести новую аудиторию в круг фундаментальных ценностей литературы и искусства, а также вписать современное искусство и собственную деятельность в широкий контекст культурной традиции.

Среди имён классиков, с которыми автор стремится ознакомить читателей, безусловно упоминается А.С. Пушкин. В статье “About Ages” Бурлюк размышляет о соотношении продолжительности земного века выдающихся деятелей литературы и искусства и объёме их творческого наследия: «Интерпретация художника во времени, в котором ему позволено разделить свою судьбу с нами, живыми, отражается в его творчестве и выражает время, в котором он жил»². Наряду с Пушкиным упоминаются имена Лермонтова, Маяковского, Байрона, Шелли, Эдгара По, Рафаэля, Тициана, Рубенса, Рембрандта, Тернера, Ван Гога и других поэтов и художников.

Пушкину посвящены и стихи Бурлюка, написанные в 1937 г. и опубликованные на русском языке в “Color and Rhyme” спустя четверть века под названием «Рифмодержцу А.С. Пушкину. Память столетия со дня мученической кончины великого поэта. Пушкин и потомки». Художественное своеобразие стихотворения проявляется в множественных отсылках к творчеству Пушкина – от узнаваемых образов («дни младенческой весны», «старины седой», «душе, не знавшей дней суровых») до композиционного уровня: текст состоит из трёх частей, написанных четырёхстопным ямбом в форме онегинской строфы. Однако на этом традиционном, классическом фоне особенно отчётливо звучит голос самого Бурлюка. Отсюда сложные метафорические образы с вкраплением пушкинских эпитетов: «Заря твоих поэз-отрад раскрылась в детства сельской раме», «Фарфором мамы струнных слов мы пили Пушкина восторг», «стремиться в вымыслов игру, покорных лирному перу» и т. д. Наиболее остро проявляется футуристический слог поэта в следующих строках:

¹ См., например, статью “Un artista a Positano: Burljuk, anima del cubofuturismo” из итальянской вечерней газеты “Paese Sera” от 18–19 июня 1962 г. (Color and Rhyme. 1966. № 61. С. 13).

² Color and Rhyme. 1955. № 30. С. 8. Здесь и далее перевод с английского Ирины Машенковой.

Он слову взрывному с в о б о д а
В сердцах слагать наставил оды
И революций идеал
В нас пионерно воспитал³.

По-настоящему «взрывные» слова здесь – «революция» и «пионерно», именно они и создают соответствующий эффект. Обратим внимание на окказионализм «пионерно», значение которого соответствует, очевидно, первоначальному значению слова «пионер» (фр. *pioonnier* – первопроходец, зачинатель), что подчёркивает творческую связь авангардистов с Пушкиным.

В этом отношении представляет интерес и обращение журнала к творчеству М.Ю. Лермонтова. Его стихотворение «Воздушный корабль» в переводе на английский язык было помещено в воспоминания Бурлюков о поездке на родину в 1956 г. “Two Months in Our Native Country”⁴. На обложке журнала был помещён рисунок сына Бурлюка, Давида, “Phantom Ship” как иллюстрация к «Воздушному кораблю», а само стихотворение предварялось замечанием Бурлюка: «Мы публикуем здесь известное стихотворение М.Ю. Лермонтова “Воздушный корабль”, каждая строка которого находит параллель в жизни и судьбе... Бурлюка»⁵. Путешествие на родину после долгой разлуки вызывало в воображении поэта образ императора-изгнанника, которому уже не суждено увидеть своих давних товарищей. Литературный перевод стихотворения был выполнен в 1917 г. выдающимся английским литератором и переводчиком Джоном Полленом (1848–1923). Поллен начал изучать русский язык в 1888 г., а уже через три года вышел его сборник переводов «Русские стихотворения» [10, с. 46]. И.В. Аршинова отмечает просветительское значение переводов Поллена, опубликованных в «Трудах Англо-русского литературного общества»: «...Эта многолетняя целенаправленная переводческая работа не только разнообразила и расширяла жанровый репертуар “Трудов”, но и внесла свой вклад в английскую поэтиче-

скую руссику» [10, с. 47]. В этом же просветительском ключе можно рассматривать и публикацию перевода Поллена в журнале “Color and Rhyme”.

Среди зарубежных поэтов, особенно близких Бурлюку, важное место занимает Артюре Рембо, чьё творчество имело большое значение для русского футуризма. Так, например, А.В. Марков рассматривает влияние Рембо в футуристической поэтике Варвары Статьевой, воспринятое «через поэзию Давида Бурлюка и Сергея Третьякова» [11]. Бурлюк публикует письмо Генри Миллера, американского писателя, автора книги об Артюре Рембо “The Time of the Assassins: A Study of Arthur Rimbaud” (1946), в котором на вопрос: “Did R[imbaud] take part or stand apart?” (Рембо – деятель или свидетель?) Миллер отвечает: «Я думаю, великие поэты (а он был одним из них!) никогда не отдаются событиям без остатка. Это не их роль.... Думаю, Рембо стремился быть полноправным и активным участником всего происходящего. Но его великая мудрость (или интуиция) не позволяла такой расточительной траты сил. Он видел куда дальше этого»⁶. Очевидно, Бурлюк имел в виду участие Рембо в Парижской коммуне, но при этом он параллельно осмыслял и собственное выпадение из хода исторических событий родины.

Бесспорное влияние на творчество Бурлюка-художника оказал Ван Гог. Это утверждал и сам Бурлюк, и неоднократно подчёркивали исследователи его творчества. Так, например, Бурлюк писал Никифорову о Ван Гогге: «Бурлюк в 1911–12 гг. был первый, кто с эстрады в городах России провозглашал его великое искусство!» [12, с. 429]. В то же время Арустамова рассматривает очерк о путешествии Бурлюков по следам Ван Гога “Our Travel to Europe” в журнале “Color and Rhyme”⁷ как средство для «укрепления репутации Бурлюка как «американского Ваг Гога» [2, с. 357]. Несомненно, этот путевой очерк имел и просветительскую роль, приближая читателей к одной из интереснейших фигур в истории мировой живописи.

³ Color and Rhyme. 1961. № 49. С. 8.

⁴ Color and Rhyme. 1959. № 40. С. 3.

⁵ Там же.

⁶ Color and Rhyme. 1956. № 31. С. 33.

⁷ Color and Rhyme. 1950. № 20-21 и 22.

Другой деятель изобразительного искусства, о котором Бурлюк неоднократно писал на страницах своего журнала, – это американский скульптор-неоклассицист Хирам Пауэрс (1805–1873). В 1955 г. в “Color and Rhyme” выходит большая статья, посвящённая 150-летию со дня его рождения и сопровождаемая рядом фотографий и рисунков с изображением скульптур Пауэрса, в том числе «Греческой рабыни». По выражению Бурлюка, эта статуя была «первым произведением американской скульптуры, которая привлекла внимание европейцев к американскому искусству»⁸.

Спустя пять лет Бурлюк вновь обращается к скульптуре Пауэрса «Греческая рабыня», на этот раз цитируя стихотворение Элизабет Баррет Браунинг (1806–1861), посвящённое этому произведению. Скульптура, созданная в 1844 г., изображает юную девушку, прикованную к столбу. Э. Баррет Браунинг, близко знавшая Пауэрса (их семьи дружили), написала сонет под впечатлением от выставки 1850 года, где была представлена эта статуя. Стихотворение, с одной стороны, органично вписывается в концепцию детства, которая, по справедливому замечанию К.А. Нагайцевой, занимает важное место в творчестве поэтессы: ребёнок у неё предстаёт как «чистая душа, обнаруживающая родство с природой и высшими силами» [13, с. 29]. В то же время это и протест против рабства и насилия, призыв замечать несправедливость, где бы она ни возникала, ибо, по мнению Э. Баррет Браунинг, идеальная красота и страдание несовместимы.

Если в публикациях о признанных классиках Бурлюк выстраивает линию преемственности, то в отношении своих современников он выступает уже в иной роли – наставника и покровителя, стремящегося поддержать молодых поэтов и художников. В автобиографии он пишет о своём отношении к Америке: «Ужасно все здесь симпатичные люди. Друзей здесь у меня «туча!» [14, с. 45]. В 1930–1931 гг. Бурлюк организует ряд выставок под открытым небом по аналогии с теми, что он устраивал на родине. Их

основная цель состояла в поддержке и продвижении молодых художников, для которых участие в таких экспозициях становилось как возможностью заработка, так и важным шагом в профессиональном становлении. В первых выпусках “Color and Rhyme” Бурлюк вёл рубрику “Who Is Who”, в которой отмечал порой ещё неизвестных одарённых деятелей искусства: «Многие из маленькой армии художников, которые сейчас выставляются, очень талантливы и заслуживают внимания и покровительства коллекционеров, арт-дилеров и общественности»⁹. Кроме того, журнал помещал объявления поэтов, помогая им найти клиентов. Так, например, в 4-м выпуске “Color and Rhyme” поэт А. Роматка предлагал свои консультации начинающим поэтам и редактирование их стихов, а Я. Тарле – помощь в изучении русского языка «по умеренным ценам»¹⁰. Высказывалось предположение, что Тарле входил в литературное окружение Бурлюка на основании того, что поэт А. Алланд использует слово «Тарлевщина» в письме к Бурлюку [15, с. 232, 233]. Объявление Тарле, помещённое в “Color and Rhyme”, является весомым подтверждением этого предположения.

Среди деятелей литературы и искусства в Америке в журнале отмечается Саул Бейзерман (1889–1957) – скульптор, начинавший обучение в Одесском художественном училище, а в 1910 г. эмигрировавший в США. Бурлюк приводит заметку «известного художественного критика», посетившего студию художника: «Я увидел там серию небольших бронзовых статуэток рабочих, которые казались воплощениями нового мира... Они были всего несколько дюймов в высоту, но каждая из них казалась памятником. Они были действительно массивными, и в каждой из них была сконцентрирована огромная сила»¹¹. Следует заметить, что первая выставка Бейзермана прошла в Нью-Йорке на следующий год после этой публикации, а в дальнейшем его творчество неоднократно отмечалось почётными наградами, включая большую медаль Американской академии

⁸ Color and Rhyme. 1955. № 29.

⁹ Color and Rhyme. 1932. № 4. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 3, 4.

¹¹ Там же. С. 1.

искусств и словесности (1951), премию Фонда Гуггенхайма (1952) и др. Можно сказать, что популярность скульптора росла с лёгкой руки Бурлюка. Слова Бейзермана, приведённые в журнале, можно считать программными и для самого Бурлюка: «Как я узнаю, что работа завершена? Тогда, когда она забрала у меня всё, что я мог отдать. Когда она стала сильнее меня самого. Я становлюсь опустошённым, а она – полной. Когда я слаб, а она сильна, – работа окончена»¹².

Бурлюк сообщает о поэтическом кружке в Гринвич-Виллидж, богемном квартале Нью-Йорка, который он называет «колыбелью и школой искусства». Здесь с начала XX века находили пристанище драматург Юджин О'Нил, танцовщица Айседора Дункан, поэтесса Эдна Сент-Винсент Миллей, журналист Джон Рид, художник Марсель Дюшан и другие творческие и политические деятели, объявлявшие Гринвич-Виллидж «Независимой Республикой». В 4-м выпуске “Color and Rhyme” (1932), наряду со своими стихами на английском языке, Бурлюк публикует произведения членов поэтического кружка: Джека Селлеса, Эриса Гоффа, Ады Бутц, Гертруды Каллаган – автора сборников “Witch Girl” и “Inheritance”, Джекоба Хаусера – стипендиата гранта Мемориального фонда Джона Саймона Гуггенхайма (1936), присуждаемого за «исключительный творческий потенциал или исключительные творческие способности в искусстве», и других.

От американских поэтов и художников, с которыми Бурлюк налаживал диалог и которым оказывал поддержку, он переходит к соотечественникам – своим товарищам по творчеству. На протяжении всего существования журнала в нём публикуются воспоминания о Велимире Хлебникове, Н. Асееве, В. Каменском, К. Малевиче, А. Лентулове, В. Кандинском, М. Ларионове, и особенно – о В. Хлебникове, В. Каменском и В. Маяковском: «Недаром я был дружен, был первым поклонником, издателем Велимира Хлебникова; на мне горят и будут гореть лучи славы его, и Маяковского, и Каменского, – трёх бардов, скакунов поэзии Парнаса российско-

го»¹³. В 1954 г. в журнале впервые публикуется повесть Бурлюка «Филонов», переведённая на английский язык его сыном Николаем. (На русском языке она выйдет только в 2021 г.) Художник-авангардист Павел Филонов стал прототипом главного героя этой повести, которую В.М. Марков назвал «романтизированной биографией», отмечая, что в ней создан «глубокий и проникновенный портрет художника» [7, с. 212]. Вместе с тем С.Е. Бирюков отмечает неоднозначность образа главного героя: «Павел Филонов в некотором смысле был полной противоположностью Бурлюка. Тем интереснее это двоение фигуры героя в повести, который то напоминает Бурлюка, то Филонова» [3, с. 140]. В комментариях к русскому изданию В. Поляков указывает на значение этого образа в творческой биографии Бурлюка: «для Бурлюка приход к Филонову стал важным моментом на пути его собственной творческой самореализации. И искусство, и сам облик Филонова, и сопутствующий ему образ анахорета посреди «полуночного Вавилона» – всё это совпало с глубоко сидевшими в сознании «отца русского футуризма» представлениями об истинном художнике» [16, с. 211].

Биографические материалы о В. Хлебникове сопровождаются публикацией его стихов, переведённых на английский язык¹⁴. Фрагментарно представлено стихотворение «Поэт» (1918) в дословном переводе, где допущена неточность: в стихах «И только гулкий голос выпив / Мычит на мельнице, как вол» «гулкий голос выпив» заменён на «нежный голос дрозда» (the sweet voice of the thrush), который никак нельзя сравнить с мычанием вола. Затем следуют отрывки из поэмы «Ночь в окопе», где, очевидно, допущена красноречивая опечатка: «Цветы нужны, чтоб скрасить гробы. / А гроб напомнит: мы цветы» переведено как “Flowers are needed to decorate the coffin / And the coffin will remind: we are followers”. Замена «flowers» (цветы) на “followers” (последователи) полностью изменяет идею стихотворения: вместо образа возрождения в цветах возникает напоминание о неизбежности смерти («мы следующие»).

¹² Color and Rhyme. 1932. № 4. С. 1.

¹³ Color and Rhyme. 1964. № 55. С. 26.

¹⁴ Color and Rhyme. 1956. № 31. С. 26-28.

Несомненный интерес представляют и заметки о теоретике авангарда, его вдохновителе Н.И. Кульбине в автобиографических материалах и дневниковых записях, опубликованных в журнале. Рассказывая о своих первых днях в Санкт-Петербурге, Бурлюк признаёт ту важную роль, которую Кульбин сыграл в его судьбе: «Н.И. Кульбин был в Питере для меня и брата Владимира исходным пунктом. Он был, как говорят теперь (28 лет после), – базой наших операций по завоеванию города на Неве»¹⁵. С не меньшей благодарностью вспоминает он и помощь Каменского: «В 1917 году – приехав в Москву я попал теперь под мощную, сказочную опеку Васи Каменского, подружившегося тесно с булочником Филипповым и его чудесной супругой. Результат: Кафе поэтов, кафе Питтореск... и создавшееся положение в осень 1917 и весной 1918 г. в голодной Москве спасло от гибели меня, В.В. Маяковского и Витю Хлебникова... Вася Каменский устроил Хлебникова с комнатой и столом жить припеваючи в отеле Филиппова де Люкс, на Тверской. Спасибо дорогому Васе Каменскому от меня, Маяковского и Вити Хлебникова за эту неоценимую заботу и услугу, спасшую нас от голода и лишений в то страшное переходное время»¹⁶.

Драматичны материалы, связанные с Каменским, которые были опубликованы в 48-м номере журнала (1961). В этом выпуске были воспроизведены два его письма, адресованных Бурлюку в Америку: первое, от 18 февраля 1926 г., связано с радостью установления утраченной связи, второе, от 22 апреля 1930 г., проникнуто скорбью и отчаянием по поводу смерти их общего друга Владимира Маяковского: «Дорогой Океанский наш Додичка! Ты, конечно, знаешь из газет о самоубийстве Володи Маяка (Маяковский), как мы его звали. Да, брат, столь неожиданно всё это случилось, что мы, его друзья юности, и в эти часы (прошла неделя) остаёмся потрясёнными до жути и говорить об этом ещё тяжело, страшно, больно»¹⁷. За этим письмом следует сообщение Бурлюка о кон-

чине самого Каменского: «11 ноября сего 1961 года, в Москве, после многолетних тяжких страданий, скончался наш с 1910 года ближайший друг-брат, собрат по перу – великий русский поэт-футурист Вас. Вас. Каменский. Могучая кучка (квадрига), собратство футуристов – Витя Хлебников, Вася Каменский, Володя Маяковский, Додичка Бурлюк – явились основоположниками и ярыми глашатаями новой русской литературы, шедшими под лозунгами футуризма, призывавшими к отрицанию старых форм жизни – во имя великой нови!»¹⁸.

Наконец, наиболее значительное место среди публикаций о «собратьях-футуристах» занимают материалы о В. Маяковском. В 1956 г. выходит выпуск журнала под названием “25 Years after Mayakovsky” (25 лет после Маяковского). Анонсируя материалы этого номера, Бурлюк пишет: «Мы ни в коем случае не думаем, что сможем познакомить английского читателя с этим великим человеком и его творчеством; мы можем лишь собрать здесь труды и знания, являющиеся плодом многих лет, и исследования, проделанного нами при изучении многочисленных опубликованных материалов. Наша цель – представить здесь общий обзор, дающий панораму жизни Маяковского, где и когда он впервые появился и начал свою славную карьеру. Мы, авторы, – и свидетели, и участники его жизни»¹⁹. Воспоминания о Маяковском перемежаются с воспоминаниями Маяковского и рассуждениями о футуризме, его истории, связи с французским импрессионизмом. В этом же номере публикуются переводы стихов Маяковского, сделанные Л. Опаловым: «Порт» («Простыни вод под брюхом были...»), «Кое-что про Петербург», «Ещё Петербург», «Любовь», «А всё-таки», «Нате!». За ними следует составленный научным сотрудником Библиотеки межкультурных исследований Бернардом Котеном и дополненный самим Бурлюком библиографический список переводов стихов Маяковского и англоязычной литературы о нём. Отдельного внимания в этом списке заслуживает статья Р. Якобсона “Unpublished Majakov-

¹⁵ Color and Rhyme. 1964. № 55. С. 26

¹⁶ Там же. С. 39.

¹⁷ Color and Rhyme. 1961. № 48. С.40.

¹⁸ Там же. С.42.

¹⁹ Color and Rhyme. 1956. № 31. С. 2.

skij»²⁰. Эта статья послужила основой для понимания «нового Маяковского», Маяковского-человека, и вызвала бурю негодования в среде советских партийных функционеров от литературы, особенно в связи с выходом 65-го тома «Новое о Маяковском» в серии «Литературное наследство» [17, с. 313-314].

В следующем, 1957 г. выходят два номера “Color and Rhyme” с публикациями о Маяковском. Так, публикуется фотокопия заметки Л. Рича из газеты New York Times (1925, 11 октября) под названием “Fiery Russian Poet Scolds New York” (Пламенный русский поэт ругает Нью-Йорк), где автор называет Маяковского «генералиссимусом армии революционных менестрелей»²¹. Другое яркое определение Маяковскому дал американский поэт Алберт Налвен, посвятивший стихотворение «Владимиру Маяковскому – советскому Прометею»²². Таким образом, Бурлюк не только делится личными воспоминаниями о друге-поэте, но и отражает восприятие его в своём американском окружении.

В следующем номере тема продолжается заметкой Бабетты Дейч, одной из переводчиков стихов Маяковского. Основываясь на личных воспоминаниях и наблюдениях, Дейч приводит выразительное свидетельство: «Один из американских поэтов, встречавшийся с ним, описал Маяковского как пустой небоскрёб – квинтэссенция современности, лишённая тепла и света»²³. В этом сравнении несомненно читается отсылка к стихотворению Маяковского «Небоскрёб в разрезе» (1925), где архитектурная метафора становится способом репрезентации американского общества как современного пространства, наполненного пороками. С другой стороны, образ «пустого небоскреба» перекликается с определением, которое Маяковский дал «себе, любимому» ещё в 1916 г.:

Какими Голиафами я зачат –
такой большой
и такой ненужный?

²⁰ Harvard Library Bulletin Spring 1955: Vol. IX, Issue 2. P. 285-287.

²¹ Color and Rhyme. 1957. № 33. С. 3.

²² Color and Rhyme. 1961. № 45. С. 6.

²³ Color and Rhyme. 1957. № 34. С. 5.

Следующий номер, как и предыдущие, англоязычный, содержит большую статью В. Тренина и Н. Харджиева «Поэтика раннего Маяковского» на русском языке, перепечатанную из журнала «Литературный критик»²⁴. Обращение к раннему периоду творчества Маяковского, периоду их знакомства, представляет для Бурлюка наибольший интерес. При этом Бурлюк замечает: «Я был с Маяковским до революции. Мы расстались в 1918 г. В те времена он не был политическим поэтом. Сегодня в СССР его почитают за то, что он написал много позже. Но с первой встречи с ним я знал, что он станет знаменитым поэтом, что бы он ни написал; он был гениален»²⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Журнал “Color and Rhyme” в исследовательской перспективе предстаёт как многоплановое явление. Наряду с автобиографическими и самопрезентационными материалами он включает значительный корпус публикаций, посвящённых другим деятелям литературы и искусства: классикам, американским авторам, представителям русской эмиграции, а также ближайшим друзьям-футуристам. Именно этот «второй план» позволяет рассматривать журнал как источник материалов по истории литературных и художественных связей первой половины XX века. Публикации о других авторах выполняли просветительскую функцию: они знакомили читателя с важными именами, создавали информационное пространство для начинающих, устанавливали связи с родиной и одновременно интегрировали русскую художественную традицию в американский культурный контекст. В стремлении объединить разрозненные культурные контексты, создать единое пространство для диалога и поддержки молодых авторов выражается просветительская миссия Бурлюка и проявляется особая модель его самоидентификации: не как «центра» или «столпа», а как «отца» русского футуризма – фигуры, объединяющей и направляющей. “Color and Rhyme” оказыва-

²⁴ Литературный критик. 1935. Кн. 4. С. 171-179.

²⁵ Color and Rhyme. 1957. № 33. С. 3.

ется не только документом личной биографии Бурлюка, но и ценным свидетельством культурных процессов, в которых личная

инициатива художника соединялась с задачами просвещения и сохранения художественного единства в условиях эмиграции.

Список источников

1. Арустамова А.А. Давид Бурлюк в журнале «Цвет и рифма» (Color and Rhyme). Статья первая. Художник и поэт на перекрёстке культур // Литература двух Америк. 2021. № 10. С. 207-227. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-207-227>, <https://elibrary.ru/jshlsj>
2. Арустамова А.А. Давид Бурлюк в журнале «Цвет и рифма» (Color and Rhyme). Статья вторая. Связать эпохи и культуры: путешествие во Францию (1949) // Литература двух Америк. 2023. № 14. С. 357-372. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-357-372>, <https://elibrary.ru/rjyyjn>
3. Бирюков С.Е. Давид Бурлюк – многоликий и единый // Неофилология. 2024. № 10 (1). С. 138-148. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-138-148>, <https://elibrary.ru/xgbljf>
4. Деменок Е.Л. Американские адреса Давида Бурлюка // Дети Ра. 2016. № 11 (145). <https://magazines.gorky.media/ra/2016/11/amerikanskies-adresa-davida-burlyuka.html>
5. Евдаев Н. Давид Бурлюк в Америке: материалы к биографии. Москва: Наука, 2008. 468 с. <https://elibrary.ru/qttebz>
6. Желтова Н.Ю. «Гениальный Давид Бурлюк»: к вопросу о тамбовских культурных связях // Филологическая регионалистика. 2013. № 2 (10). С. 64-68. <https://elibrary.ru/svtsad>
7. Марков В.М. Русский след в Японии. Давид Бурлюк – отец японского футуризма // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2007. № 14. С. 191-219. <https://elibrary.ru/ncjcrb>
8. Середва В.П. Страницы великой дружбы // Творчество В.В. Маяковского в XXI веке. Вып. 3. Текст и биография. Слово и изображение. Москва: ИМЛИ РАН, 2015. С. 499-510. <https://elibrary.ru/vuuweh>
9. Бурлюк Д.Д. Энтелехизм. Теория. Критика. Стихи. Картины (1907–1930). Нью-Йорк: Изд. М.Н. Бурлюк, 1930. 24 с.
10. Аришинова И.В. «Русскую грамматику я выучил главным образом на верблюжьей спине»: Джон Поллен и его переводы // Пространство безграничной словесности: сборник статей к 70-летию В.Е. Багно. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. С. 35-47. <https://elibrary.ru/lzaaww>
11. Марков А.В. Эпизод русского футуризма: Артур Рембо и Варвара Статьева // Studia Humanitatis. 2021. № 2. С. 18. <https://elibrary.ru/ihbbku>
12. Бурлюк Д.Д. Письма из коллекции С. Денисова / авт.-сост. А.С. Чернов. Тамбов, 2011. 728 с.
13. Нагайцева К.А. Образ ребёнка в творчестве Элизабет Баррет Браунинг // Наука и школа. 2021. № 2. С. 23-33. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2021-2-23-33>, <https://elibrary.ru/ozzemx>
14. Бурлюк Д.Д. Давид Бурлюк пожимает руку Вульфорт Бильдингу. Нью-Йорк: Издание кооператива газеты «Русский голос», 1924. 48 с.
15. Арустамова А.А. Американский контекст русской пролетарской поэзии в США (1920-е гг.): случай Я. Тарле // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 229-246. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2017-3-229-246>, <https://elibrary.ru/ynmjzc>
16. Поляков В.В. Повесть о художнике // Давид Бурлюк. Филонов. Повесть / примеч., коммент. и послесл. В. Полякова. Москва: Гилея, 2017. С. 179-211.
17. Фролов М.А., Галушкин А.Ю. Слишком «Новое о Маяковском» // Литературный факт. 2017. № 5. С. 288-372. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-288-372>, <https://elibrary.ru/zwtddz>

References

1. Arustamova A.A. David Burliuk in Color and Rhyme magazine. Article 1. Painter and poet on the crossroads of cultures. *Literatura dvukh Amerik = Literature of the Americas*, 2021, no. 10, pp. 207-227. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-207-227>, <https://elibrary.ru/jshlsj>
2. Arustamova A.A. David Burliuk in Color and Rhyme magazine. Article 2. Across epochs and cultures: a journey to France, 1949. *Literatura dvukh Amerik = Literature of the Americas*, 2023, no. 14, pp. 357-372. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-357-372>, <https://elibrary.ru/rjyyjn>

3. Biryukov S.E. David Burliuk – many-faced and individual. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, no. 10 (1), pp. 138-148. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-138-148>, <https://elibrary.ru/xgbljf>
4. Demenok E.L. David Burliuk's American addresses. *Deti Ra = Children of Ra*, 2016, no. 11 (145). (In Russ.) <https://magazines.gorky.media/ra/2016/11/amerikanskije-adresa-davida-burlyuka.html>
5. Evdaev N. *David Burliuk in America: Materials for a Biography*. Moscow, Nauka Publ., 2007, 468 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qtebz>
6. Zheltova N.Yu. "Genious David Burliuk": on the question of Tambov cultural connections. *Filologicheskaya regionalistika = Philological Regional Science*, 2013, no. 2 (10), pp. 64-68. (In Russ.) <https://elibrary.ru/svtsad>
7. Markov V.M. Russian Trace in Japan. David Burliuk – God-Father of Japanese futurism. *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Oriental Institute of the Far Eastern State University*, 2007, no. 14, pp. 191-219. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ncjcrb>
8. Sereda V.P. Pages of Great Friendship. *Tvorchestvo V.V. Mayakovskogo v XXI veke. Vyp. 3. Tekst i biografiya. Slovo i izobrazhenie = V.V. Mayakovsky's Works in the 21st Century. Issue 3. Text and Biography. Word and Image*. Moscow, IMLI RAS, 2015, pp. 499-510. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vuuweh>
9. Burliuk D.D. *Entelechism. Theory. Criticism. Poems. Paintings (1907–1930)*. New York, M.N. Burliuk Publ., 1930, 24 p. (In Russ.)
10. Arshinova I.V. "I learned Russian grammar mainly on a camel's back": John Pollen and his translations. *Sbornik statei k 70-letiyu V.E. Bagno «Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti» = A Collection of Articles for the 70th Anniversary of V.E. Bagno «The Space of Boundless Literature»*, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021, pp. 35-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lzaaww>
11. Markov A.V. Episode of Russian futurism: Arthur Rimbaud and Varvara Statieva. *Studia Humanitatis*, 2021, no. 2, pp. 18. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ihbbku>
12. Burliuk D.D. *Letters from the S. Denisov Collection*. Tambov, 2011, 728 p. (In Russ.)
13. Nagaitseva K.A. The image of a child in the works of Elizabeth Barret Browning. *Nauka i shkola = Science and School*, 2021, no. 2, pp. 23-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2021-2-23-33>, <https://elibrary.ru/ozzemx>
14. Burliuk D.D. *David Burliuk shaking hands with the Woolworth Building*. New York, Cooperative newspaper "Russian Voice", 1924, 48 p. (In Russ.)
15. Arustamova A.A. American context of the Russian proletarian poetry in the Usa (1920s): Yakov Tarle. *Literatura dvukh Amerik = Literature of the Americas*, 2017, no. 3, pp. 229-246. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2017-3-229-246>, <https://elibrary.ru/ynmjzc>
16. Polyakov V.V. The story of the artist. *David Burlyuk. Filonov. Povest' = David Burliuk. Filonov. The Story*. Moscow, Gilea Publ., 2017, pp. 179-211. (In Russ.)
17. Frolov M.A., Galushkin A.Yu. Too "New about Mayakovsky". *Literaturnyi fakt = Literary Fact*, 2017, no. 5, pp. 288-372. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-288-372>, <https://elibrary.ru/zwtddz>

Информация об авторах

МАШЕНКОВА Ирина Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Самаркандский государственный университет им. Шаофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, <https://orcid.org/0000-0003-4991-3073>, vladirmuseum@rambler.ru

СЕРЕДА Владимир Павлович, главный хранитель фондов, Литературно-художественный музей Сергея Денисова, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0002-2465-1804>, vladirmuseum@rambler.ru

Information about the authors

Irina O. Mashenkova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Russian as a Foreign Language Department, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand, Republic of Uzbekistan, <https://orcid.org/0000-0003-4991-3073>, vladirmuseum@rambler.ru

Vladimir P. Sereda, Chief Curator of Archives, Sergei Denisov Literary and Art Museum, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0002-2465-1804>, vladirmuseum@rambler.ru

Для контактов:

Машенкова Ирина Олеговна
e-mail: vladimirmuseum@rambler.ru

Поступила в редакцию 15.07.2025
Поступила после рецензирования 22.09.2025
Принята к публикации 24.09.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Corresponding author:

Irina O. Mashenkova
e-mail: vladimirmuseum@rambler.ru

Received 15.07.2025
Revised 22.09.2025
Accepted 24.09.2025

The authors has read and approved the final manuscript.